

§13 ИСТОРИЯ ПРАВА

Бешукова З.М.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКСТРЕМИЗМ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РСФСР 1922 года

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию основных положений Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, устанавливающих в той или иной степени ответственность, за деяния, которые в соответствии с ныне действующим законодательством, подпадают под понятие экстремизма (экстремистской деятельности). Деяния, подпадающие под легальное определение экстремизма, включены в разные главы и разделы Уголовного кодекса РФ. Вместе с тем большинство из них относится к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, против общественной безопасности и общественного порядка. Методологической основой настоящего исследования служат базовые положения диалектического метода познания явлений и процессов объективной действительности. Также в работе использовались современные общенаучные, частнонаучные и специальные методы исследования: логико-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурного анализа и др. Проведен комплексный анализ правовых норм УК РСФСР 1922 г., регламентирующих ответственность за государственные преступления. Сделан вывод, что первый кодифицированный источник уголовного права РСФСР в определении приоритетов уголовно-правовой охраны исходил из приоритета охраны государственной власти и ее интересов. Вместе с тем в УК 1922 г. государственные преступления не обрели параметры детально разработанной, построенной с учетом видового объекта системы соответствующих посягательств. В УК 1922 г. было сформулировано понятие «контрреволюционного преступления». Исходя из данного понятия, законодателем были сконструированы и отдельные составы таких преступлений. Комплексный анализ этих преступлений позволяет заключить, что они содержали в себе признаки экстремистской деятельности в современном ее понимании. Анализ размеров и видов наказаний, предусмотренных за участие в вышеуказанных преступлениях, позволяет заключить, что*

в УК РСФСР 1922 г. имеет место преемственность с дореволюционным законодательством, развившаяся в уравнивании ответственности участников и организаторов контрреволюционных преступлений. В УК РСФСР появилась статья, криминализирующая возбуждение вражды и розни. Однако по одному-единственному признаку – национальному.

Ключевые слова: экстремизм, контрреволюционное преступление, возбуждение вражды, Советская власть, Уголовный кодекс, агитация, пропаганда, государственные преступления, уголовная ответственность, наказание.

Abstract. This article is dedicated to the examination of the fundamental positions of the Criminal Code of RSFSR of 1922 that establishes responsibility for actions, which in accordance with the current legislation, fell into the notion of extremism (extremist activity). Actions that qualify for the legal definition of extremism are included into various chapters and sections of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition to that, the majority of them is referred to as crimes against the foundations of the constitutional structure and state security, as well as against public safety and order. The author conducts a complex analysis of legal norms of the Criminal Code of RSFSR of 1922 that regulate the responsibility for state crimes. The conclusion is made that the first codified source of criminal law of RSFSR In defining the criteria of criminal-legal security was guided by the priority of securing the government authority and its interests. At the same time, in the 1922 Criminal Code, state crimes did not attain the parameters of thoroughly developed and constructed with consideration of the object of a crime system of the corresponding infringements. The notion of “counterrevolutionary crime” was formulated in the Criminal Code of 1922; based on this notion, the legislators also constructed separate components of such crimes. A complex analysis of these crimes allows concluding that they contained signs of extremist activity in its modern perception.

Key words: Extremism, Counterrevolutionary crime, Incitement of animosity, Soviet government, Criminal Code, Agitation, Propagation, State crimes, Criminal liability, Punishment.

1 июня 1922 года Всероссийский центральный исполнительный комитет принял Постановление «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» [1] (далее – УК; УК РСФСР; УК РСФСР 1922 г.). В соответствии с п. 1 данного Постановления УК вводился в действие на всей территории РСФСР с 1 июня 1922 г. Согласно п. 2 с указанного момента все иные нормы, устанавливающие основание и размер уголовных наказаний, утратили силу. Особенная часть УК открывалась главой I под названием «Государственные преступления». Она в свою очередь делилась на два раздела. Данное разделение позволяет говорить о двух группах государственных преступлений.

Первая группа. В разделе «О контрреволюционных преступлениях» содержался перечень из семнадцати статей (ст.ст. 57-73 УК), в котором регламентировалась ответственность за

одноименные преступления. Следует отметить, что уголовно-правовые нормы, содержащиеся в этих статьях, не имели наименований. В связи с этим о названии того или иного состава контрреволюционного преступления, можно было судить лишь исходя из содержания текста соответствующей нормы.

В ст. 57 УК РСФСР впервые в истории советского уголовного законодательства было сформулировано понятие «контрреволюционного преступления». Под ним понималось «всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммуни-

стической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и тому подобными средствами» [1]. В данном определении законодатель попытался конкретизировать какие именно действия следует признавать контрреволюционным преступлением, указав на их направленность. Сходство по текстуальному изложению и смысловому содержанию свидетельствует о том, что в основу понятия «контрреволюционное преступление» легло понятие контрреволюционного деяния, содержащееся в Постановлении ВЦИК от 3 января 1918 г. [2].

Исходя из понятия контрреволюционного преступления, законодателем были сконструированы и отдельные составы таких преступлений (шестнадцать составов). В статьях 58, 60-65 УК РСФСР регламентировалась ответственность за организованные контрреволюционные действия, а именно:

- организацию «в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от Р.С.Ф.С.Р. какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные ею договоры» (ст. 58).
- «Участие в организации, действующей в целях совершения преступлений, означенных в ст. ст. 57-59» (ст. 60).
- «Участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 57» (ст. 61).
- «Участие в организации, действующей в целях, означенных в ст. 57, путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей или всяким иным путем в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, хотя бы вооруженное восстание или вооруженное вторжение и не являлось ближайшей задачей деятельности этой организации» (ст. 62).
- «Участие в организации, противодействующей в контрреволюционных целях нормаль-

ной деятельности советских учреждений или предприятий или использующей таковые в тех же целях» (ст. 63).

- «Участие в выполнении в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих-крестьянских организаций, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контрреволюционной организации» (ст. 64).
- Организацию «в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений» (ст. 65) [1].

Анализ размеров и видов наказаний, предусмотренных за участие в вышеуказанных преступлениях, позволяет заключить, что в УК РСФСР 1922 г. имеет место своеобразная преемственность с дореволюционным законодательством, выразившаяся в уравнивании ответственности участников и организаторов контрреволюционных преступлений. Наказанием за все преступления независимо от роли лица и степени его участия была «высшая мера наказания и конфискация всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества».

Однако необходимо отметить, что «при установлении судом неосведомленности участников о конечных целях организации участие в нем каралось лишением свободы на срок не ниже трех лет» [1]. Отдельные исследователи отмечают, что ч. 2 ст. 58 УК РСФСР являлась «отступлением от принципа субъективного вменения» [3, с. 55]. Однако нам данная позиция представляется неверной. Считаем, что положения ч. 2 ст. 58 УК РСФСР, естественно, не есть исключение из общего правила об «уравниловке» ответственности, а своеобразная попытка законодателя дифференцировать уголовную ответственность путем конкретизации направленности умысла участников организации и их

мотивов. Представляется, что рассматриваемое положение УК РСФСР означает, что даже если лицо не знало о конечных целях организации, но принимало участие, например, в вооруженном восстании, оно будет также подлежать ответственности, ввиду того, что указанные действия уже образуют самостоятельный состав преступления. Вышеизложенное позволяет говорить о так называемом привилегированном составе данного преступления.

В ст. 67 УК РСФСР уголовному закону придавалась обратная сила, и устанавливалась ответственность за «активные действия и активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе». Фактически по данной статье любое лицо, принадлежащее к аппарату государственной власти дореволюционной России, могло быть привлечено к уголовной ответственности. Следует отметить, что прообразом данной нормы являлась норма, содержащаяся в Постановлении Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов».

В статьях 69 и 70 УК РСФСР регламентировалась ответственность за пропаганду и агитацию, направленные против Советской власти, а именно:

- пропаганду и агитацию, «выражающиеся в призыве к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий, или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговых повинностей» (ст. 69).

Квалифицирующим признаком данного преступления было его совершение в военной обстановке или во время народных волнений.

- Пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 57 (ст. 70).

Также признавались уголовно наказуемыми деяниями изготовление, хранение с целью распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера (ст. 72); измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов

или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее (ст. 73).

Вторая группа. В разделе «О преступлениях против порядка управления» содержался перечень, состоящий из тридцати одной статьи (ст. ст. 74-104 УК РСФСР 1922 г.). В соответствии со ст. 74 преступлением против порядка управления признавалось любое «деяние, направленное к нарушению правильного функционирования подчиненных органов управления или народного хозяйства, сопряженное с сопротивлением или неповиновением законам советской власти, с препятствованием деятельности ее органов и иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти». Как и в предыдущем разделе УК РСФСР 1922 г. в данном разделе отсутствовали наименования уголовно-правовых норм. Анализ данных статей позволяет сделать вывод, что в рассматриваемом разделе регламентировалась ответственность за разновидности преступления, что обуславливалось недостаточной развитостью учения об объекте преступления. Систематизация преступлений, входящих в указанный раздел, целью настоящего исследования не является, и в связи с этим из общего перечня уголовно-правовых норм данного раздела будут проанализированы только входящие в предмет исследования [4, с. 112-114].

В ст. 22 Конституции 1918 г. провозглашалось, что РСФСР признает «равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности», объявляет «противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия». Толкование данного конституционного положения позволяет сделать вывод, что приведенный перечень признаков, по которым не допускается ограничение прав и свобод в РСФСР является исчерпывающим и включает всего два признака – расовый и национальный. Следует констатировать, что запрет дискриминации связан был с наиболее часто встречающимися признаками, по которым могло быть

нарушено равенство прав и свобод граждан. Важно отметить, что в Конституции также закреплялась свобода совести, свобода выражения своих мнений, свобода собраний, свобода организации и действия. Однако в УК РСФСР 1922 г. законодатель посчитал необходимым предусмотреть ответственность лишь за посягательство на межнациональные отношения (ст. 83). Нормативно-правовые нормы, корреспондирующие иным перечисленным конституционным положениям, в первом Уголовном кодексе Советской власти отсутствовали.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 83 УК РСФСР, заключалась в совершении следующих альтернативных действий:

1) агитация и пропаганда всякого рода, заключающаяся в призыве к совершению преступлений, предусмотренных ст.ст. 75-81.

В данный перечень входили разнородные преступления, а именно преступления, объектом которых являются общественная безопасность и общественный порядок (массовые беспорядки, бандитизм и др.), финансовые интересы государства в сфере налогообложения, порядок прохождения военной службы.

2) Агитация и пропаганда всякого рода, заключающаяся в возбуждении национальной вражды и розни.

Как видим, в УК РСФСР было криминализовано возбуждение вражды и розни только по одному-единственному признаку – национальному. Представляется, именно анализируемая статья устанавливала главные правовые барьеры против злоупотребления свободой слова, свободой выражения своего мнения. Однако, несмотря на то, что данные свободы человека были закреплены в Конституции РСФСР 1918 г., последняя прямого запрета на пропаганду и агитацию национальной вражды и розни не содержала в сравнении с ныне действующей Конституцией Российской Федерации.

Важно отметить, что системное толкование уголовного закона позволяет предположить, что изготовление, хранение с целью распространения и распространение литературных произведений, призывающих к возбуждению национальной вражды и розни, в УК РСФСР 1922 г. криминализовано не было. Это сле-

дует из текста диспозиции ст. 84, в которой устанавливалась ответственность за «изготовление, хранение с целью распространения и распространение литературных произведений, призывающих к учинению преступных деяний, предусмотренных ст. ст. 75-81». Как видим, в данный перечень ст. 83 УК не входила. Однако данное предположение не представляется абсолютно верным и из него необходимо сделать одно изъятие, а именно, указанное не означало, что возбуждение национальной вражды и розни путем распространения литературных произведений с соответствующим содержанием не подлежало уголовной ответственности. Так, под агитацией в юридической литературе советского периода понималось «распространение какой-либо одной идеи или нескольких идей среди большого (неограниченного) круга лиц, а под пропагандой – распространение многих идей, но среди ограниченного круга лиц или отдельных граждан» [5, с. 61-62]. Из представленных определений следует, что общим для этих двух понятий является распространение тех или иных идей, а единственный критерий их разграничения – количество лиц, которым были адресованы соответствующие идеи. Однако в данных определениях не указывалось, являются ли пропаганда и (или) агитация устной, письменной или печатной деятельностью отдельных лиц, групп лиц и т.д. по распространению соответствующих идей и взглядов. Кроме того слова «всякого рода» в словосочетании «агитация и пропаганда всякого рода» в диспозиции ст. 83 УК позволяют заключить, что агитация и пропаганда могут быть как письменными так и устными. Изложенное позволяет сделать вывод, что возбуждение национальной вражды и розни путем распространения литературных произведений являлось уголовно-наказуемым деянием.

Единственным квалифицирующим признаком рассматриваемого преступления было совершение перечисленных в диспозиции ст. 83 УК 1922 г. деяний «во время войны» с обязательной направленностью их «к неисполнению гражданами возложенных на них воинских или связанных с военными действиями обязанностей и повинностей».

В главе III УК РСФСР 1922 г. под названием «Нарушение правил об отделении церкви от государства», содержалось семь статей (119-125), в которых регламентировалась ответственность за преступления в сфере государственно-церковных отношений. Практически абсолютное большинство статей данного раздела устанавливали ответственность за совершение религиозных обрядов в государственных учреждениях, школах, и др. действий, препятствующих отделению церкви от государства и школы от церкви. Однако в ст. 125 признавалось уголовно-наказуемым деянием воспрепятствование исполнению религиозных обрядов, если таковые «не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан».

В УК РСФСР 1922 г. мотив ненависти или вражды по тем или признакам в качестве квалифицирующего признака в ряде статей Особенной части и качестве одного из отягчающих обстоятельств выделен не был. Следует отметить, что отягчающие обстоятельства в УК РСФСР специальной нормой вообще не были выделены. То есть аналогов ст. 63 ныне действующего Уголовного кодекса не было. В ст. 25 УК 1922 г. обстоятельства, как отягчающие, так и смягчающие, именовались обстоятельствами, влияющими на ответственность. В данной статье в качестве одного из критериев для определения меры наказания было выделено следующее обстоятельство: «направлено ли преступление против государства или отдельной личности». Несмотря на то, что законодатель не указывал (не разграничивал) при каких из двух условий преступление признается совершенным с отягчающим обстоятельством, структура уголовного закона, а именно, расположение государственных преступлений на первом месте в Особенной части УК, позволяет сделать вывод, что при совершении преступления против государства назначается более строгое наказание.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Первый кодифицированный источник уголовного права РСФСР в определении приоритетов уголовно-правовой охраны исходил из приоритета охраны государственной

власти и ее интересов. Вместе с тем в УК 1922 г. государственные преступления не обрели параметры детально разработанной, построенной с учетом видового объекта системы соответствующих посягательств, в частности во втором разделе соответствующей главы УК устанавливалась ответственность за разновидности преступлений.

2. В УК РСФСР 1922 г. было сформулировано понятие «контрреволюционного преступления». Данное понятие имело сходство по текстуальному изложению и смысловому содержанию с понятием контрреволюционного деяния, содержащимся в Постановлении ВЦИК от 3 января 1918 г. Исходя из понятия контрреволюционного преступления, законодателем были сконструированы и отдельные составы таких преступлений. Комплексный анализ данных преступлений позволяет заключить, что они содержали в себе признаки экстремистской деятельности в современном ее понимании.
3. Анализ размеров и видов наказаний, предусмотренных за участие в вышеуказанных преступлениях, позволяет заключить, что в УК РСФСР 1922 г. имеет место преемственность с дореволюционным законодательством, выразившаяся в уравнивании ответственности участников и организаторов контрреволюционных преступлений.
4. В УК РСФСР появилась статья, криминализирующая возбуждение вражды и розни. Однако по одному-единственному признаку – национальному. Именно данная статья устанавливала главные правовые барьеры против злоупотребления свободой слова, свободой выражения своего мнения. Несмотря на то, что данные свободы человека были закреплены в Конституции РСФСР 1918 г., последняя прямого запрета на пропаганду и агитацию национальной вражды и розни не содержала в сравнении с ныне действующей Конституцией России.
5. В УК РСФСР 1922 г. мотив ненависти или вражды по тем или признакам в качестве квалифицирующего признака в ряде статей Особенной части и в качестве одного из отягчающих обстоятельств выделен не был.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление ВЦИК от 3 января 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти». URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5318/>
3. Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика): монография / отв. ред. А.И. Чучаев. – М.: Проспект, 2009. – 192 с.
4. Бешукова З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности (сравнительно-правовое исследование): монография. Пятигорск: РИА-КМВ. – 2011. – 208 с.
5. Государственные преступления: учеб. пособие по Советскому уголовному праву / под ред. М.И. Якубовича и В.А. Владимирова. – М.: «Высшая школа», 1961. – 228 с.

REFERENCES

1. Postanovlenie VTsIK ot 1 iyunya 1922 g. «O vvedenie v deistvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R.» (vmeste s «Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.») // SPS «Konsul'tant Plyus».
2. Postanovlenie VTsIK ot 3 yanvaryaya 1918 g. «O priznanii kontrrevolyutsionnym deistviem vseh popytok prisvoit' sebe funktsii gosudarstvennoi vlasti». URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5318/>
3. Malinovskii V.V. Organizatsionnaya deyatel'nost' v ugolovnom prave Rossii (vidyi kharakteristika): monografiya / otv. red. A.I. Chuchaev. – M.: Prospekt, 2009. – 192 s.
4. Beshukova Z.M. Prestupleniya, svyazannye s osushchestvleniem ekstremistskoi deyatel'nosti (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): monografiya. Pyatigorsk: RIA-KMV. – 2011. – 208 s.
5. Gosudarstvennye prestupleniya: ucheb. posobie po Sovetskomu ugolovnomu pravu / pod red. M.I. Yakubovicha i V.A. Vladimirova. – M.: «Vysshaya shkola», 1961. – 228 s.